

ОБРАЗЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ И РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. П. ГРОНСКОГО

Статья посвящена исследованию образов России и Древней Руси в творчестве Н. П. Гронского и реконструкции концепции родины в его поэзии. Предпринята попытка осмыслить образ отчизны как символического пространства, связанного с различными культурными мифами. В поэзии Н. Гронского помимо эксплицитного образа Руси-России в стихотворении «Россия» и поэмах о древнерусских князьях, присутствует и имплицитный в аллегорических произведениях, где потерянная духовная родина уподобляется или мифическому Эльдорадо, или земле обетованной, искомую Моисеем и изгнанниками-евреями. Необычен образ России в «альпийских стихах» Н. П. Гронского, где возникает сюжет инициации-покорения духовной и физической высоты ради награды-обретения потерянной России на краткое время. Было выявлено, что тема покинутой родины и сюжет её обретения становятся ядром в поэтике Гронского, центральной трагедией всей его лирики, что обуславливает авторскую самобытную мифологию данного символического пространства.

Ключевые слова: Н. П. Гронский, поэзия эмиграции, образы России и Древней Руси, поэма, образ Родины, мифопоэтика, пространственная структура, историзм, символика, Модерн.

The article is dedicated to the research of the images of Russia and Old Russia in N. P. Gronsky's creativity and the reconstruction of the conception of the homeland in his poetry. An attempt has been made to comprehend the image of the fatherland as a symbolic space associated with various cultural myths. In the poetry of N. Gronsky, in addition to the explicit image of Russia in the poem "Russia" and poems about ancient Russian princes, present and implicit in allegorical works, where the lost spiritual homeland is likened to either the mythical Eldorado, or the promised land sought by Moses and the Jewish exiles, the image of Russia in the "alpine poems" of N.P. Gronsky is unusual. Gronsky, where the plot of initiation arises – conquering spiritual and physical heights for the sake of a reward-finding lost Russia for a short time. It was revealed that the theme of lost homeland and the plot of its acquisition become the core in Gronsky's poetics, the central tragedy of all his lyrics, which determines the author's original mythology of this symbolic space.

Keywords: N. P. Gronsky, poetry of the emigration, images of Russia and Old Russia, poem, image of homeland, space structure, historicism, symbolic, modern.

* <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

Образ родины в поэзии первой волны русского зарубежья является весьма изученной проблемой. Как отмечает Ю. В. Матвеева, белые эмигранты стремились «сохранить то устройство русского мира, которое могло хоть в какой-то мере заменить потерянную для них и уничтоженную в реальности Россию прошлого» (Матвеева 2017: 6). Неудивительно, что в современной русистике написано немало работ, посвящённых как общей концепции России в произведениях многих эмигрантов (Авраменко 2019), (Вандалковская 2017), так и образу отчизны в поэзии отдельных представителей зарубежья (Матвеева 2008), (Милькович 2019), (Бронская 2002). Но утверждать, что тема родины в поэзии русского зарубежья является исчерпанной в научной литературе нельзя, так как творчество многих самобытных поэтов остаётся «белым пятном» в литературоведении. Примером такого забытого писателя является Николай Павлович Гронский, известный при жизни более как скалолаз, покорявший опасные вершины Савойских Альп, чем как поэт, чья лирика была обнародована только после трагической гибели. При этом его поэзии посвящена лишь одна статья Д. В. Токарева (Токарев 2019), что является упущением, ибо поэзия Гронского представляет интерес с точки зрения исследования русской эмиграции.

Перед непосредственным анализом его стихотворений приведём следующую цитату из его письма к М. И. Цветаевой, датированного весной 1929 года: «Как я люблю горы руками, ногами и дыханием <...>. Но горы, послушайте только: внизу юг, повыше какие-то границы, границы и Россия — север России <...>, а ещё выше — тоже Россия, но та Россия гиперборейцев: скалы, лёд, снег, а после — ничего — небо» (Гронский 2004: 18–19). Можно сделать следующие выводы, касающиеся психологического восприятия покинутой отчизны молодым поэтом-эмигрантом. Во-первых, Россия представляется для него пространством ирреальным и сложным, как бы состоящим из двух слоёв — современная поэту страна и мифологическая Гиперборея. Во-вторых, это гора, некая духовная и физическая вершина. Если Россия XX века расположена на более низкой высоте, то пиком в этой вертикальной географии является именно Гиперборея. Всё это приводит к вопросу о биографической обусловленности такого необычного восприятия. Согласно предисловию к единственному напечатанному изданию его стихов 1936 года, всё детство поэт провёл в Твери и Санкт-Петербурге, а в 11 лет переехал с матерью и сестрой во Францию (Гронский 1936: 5–6).

Образ Родины, сформированный в лирическом и эпистолярном наследии поэта, основан на детских впечатлениях. Они угадываются в стихотворении «Воспоминание» (1928), где соединены точки зрения ребёнка, почти не помнящего родной край, и взрослого человека, чья духовная связь с родиной остаётся вечной. В этом юношеском произведении возникнут об-

разы-ассоциации, связанные в лирике Гронского с Россией, которые будут повторяться на протяжении всего его творчества:

*Помню Россию так мало,
Помню Россию всегда.
Вокзалы, вокзалы, вокзалы,
Куда то идут поезда.*

*Помню другую — вагоны
(Под головой пулемёт).
Патроны, патроны, патроны...
Который был тогда год?*

*Какими верстами, мостами,
Местами наш поезд идёт
— Мы едем крестами, крестами
— Который? — последний поход.*

*Помню другую. — Не верный
Отблеск свечей, образа,
Последнее слово вечерни:
“Ваш дом? — приходите сюда”.*

*Жребий конца и начала,
Детские годы, года.*

*Помню Россию так мало.
Помню Россию всегда (Гронский 1936: 10).*

Россия религиозная, христианская, оставшаяся в памяти покинувшего её поэта ещё в далёком детстве, противопоставлена реальной России, которая описывается в первых строфах как страна, находящаяся в состоянии войны и хаоса, из которого под пулемётные очереди семья героя выезжает на поезде в Европу. Именно тема православной родины, начатая в «Воспоминании», будет центральной в большинстве последующих стихов. Важным нюансом является кольцевая композиция этого произведения: первые два стиха становятся финальными: если в первой строфе эти строки рифмовались со словами, которые обозначают пространство и перемещение в нём, что связано с детскими воспоминаниями пережившего отъезд из России поэта (поезда, вокзалы), то в финале эти стихи связаны уже с понятием времени, причём поэт утверждает вечное существование России в его памяти и душе. Жребием его жизни является хранить эту память и жить, подобно изгнаннику, насильно оторванного от родной земли. Следует отметить, что сам образ России представлен через перечисление, любопытно использование внутренних рифм и рифмы-анжамбеман в третьей строфе: верстами-мостами-местами-крестами-крестами. Такая рифмовка близка повторы

слова «патроны», усиливающего ощущение опасности и ужасов военного времени во втором катрене. С одной стороны, подчёркивается хаотичность описываемой картины, стремительное движение поезда, на котором герой покидает однообразные пространства, пронсящиеся перед ним в окне, с другой стороны, здесь можно говорить об эмоциональной насыщенности, передачи чувств тревоги и страха лирического героя. Образ крестов также можно интерпретировать с нескольких позиций: это и описание кладбищ и могил с воткнутыми крестами, но это и церкви с монастырями, что найдёт отражение в строфе, где упомянуты иконы, свечи и литургия.

Обращаясь к остальному корпусу лирики Гронского, мы обнаружили следующие способы воплощения образа России в его поэзии.

1) Древняя Русь в исторических поэмах.
 2) Аллегорическое пространство: обетованная земля, которую ищут герои.

3) Экзистенциальная потеря, которую герой стремится вновь обрести в цикле «альпийских стихов».

Говоря об образе Древней Руси, нельзя не выделить, что уже в поэме «Россия», где воссоздаются впечатления восьмилетнего мальчика, покидающего родной край, упоминаются реалии средневековой истории и мифы, связанные с монгольским нашествием и Скифией. Возникает любопытная ретроспекция от реальности революции к эпохе древних славян и скифов, причём, поэт весьма точен в хронологии: первоначальной точкой существования Руси для него оказывается поход персидского царя Дария на скифов в 513 году до нашей эры, в чём поэт является продолжателем скифского мифа русской литературы Серебряного века и зарубежья, где данный миф был связан с геополитикой и историософией: под скифами в искусстве Модерна подразумевались, прежде всего, русские люди, противопоставленные своей вольностью и духовной силой как европейцам, так и азиатам (духовное скифство): «В Серебряном веке и в 1920 гг. специалисты связывали исторические судьбы восточных славян и скифов — ираноязычного народа, который в VII в. до н.э. пришел из Азии в северное Причерноморье, вытеснил урало-алтайских киммерийцев, через несколько столетий был завоеван сарматами» (Солнцева 2010: 152). Достаточно вспомнить в этом плане произведения К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, В. Хлебникова, И. Шмелёва, М. Цветаевой, «Скифскую сюиту» С. Прокофьева. Сам Гронский использует классический репертуар мотивов, связанных с темой скифства в русском Модерне: курган, степь, кочевье, лошади, воины, сражение с более сильным врагом и победа над ним (войска Персии). Русь, названная *курганным царством*, оказывается в поэзии Гронского архаичной, древнейшей цивилизацией. Однако у Гронского подразумевается аллегория эмигрантов как древних скифов, так как племя скифов спаслось благодаря

кочевничеству и смогло избежать кровопролитной битвы с царём: «Привет курганному дворянству! / В курган дворян. Но некий скиф / Ответил Дарию Гистаспу / На царский окрик: “не бежим, — / Кочуем. Есть у нас в ковыльей / Кобыльей степи острова / Курганы, — оскверни могилы / Умерших скифов, — и тогда» (Гронский 1936: 46). Но если в реальности скифы были победителями, то в реальности Н. Гронского, Россия стала заморской страной. В стихотворении ретроспективная центральная часть обрамляется описаниями покинутой России, ставшей для героя-эмигранта «заморской» страной, находящейся за тридевять земель: «Девятый год стоит Россия / Моей заморскою страной... / Что, если стали мы чужими, / Как брат с сестрой, как муж с женой? / <...> / Армады парусов подъемлет, / Громады дна страстей, снастей / Последний вздох. / — В иные земли / По безземелию морей» (Гронский 1936: 47–48). Внутренняя рифма *страстей-снастей* интерпретируется в религиозном ключе как мучения, страдания, которым страдали апостолы во время казни и сам Спаситель. Для героя «*России*» такие духовные страсти, муки, вызывает его вынужденное плавание вдали от родины и невозможность обрести новую землю, на что указывает и оксюморон «безземелие морей». Любопытно, что мотив жизни эмигранта как вечного плаванья по чужим морям, возникает и в скифской части поэмы, где кораблями становятся кони, морем — степное разнотравье, а островами — курганы, причём рифма-анжамбеман «ковыльей-кобыльей» подчёркивает важные для поэмы темы движения-странствия и бесконечного пути. В данном случае скифы не являются характерным для культуры Модерна символом свободолюбивого бравого народа, а становятся трагическим символом потерянного дома и невозможности обрести своё место в мире.

Весьма любопытно история России осмыслена в поэме «*Александр Невский и Михаил Черниговский*» (1933–1934), где Русь представлена как земля Богоматери и Христа. В этой поэме развита мысль, которую поэт высказал в стихотворении «*Россия*», но если там древняя Скифия боролась с Персией, то в данном случае описывается Русь под татарскими копытами. Также в этом произведении развит миф о Китеже:

.....
 .....
*И стали города в болото
 Лесною тайной уходить...*

*С колоколами и крестами,
 В озёрный погружаясь сон,
 Тонули города с церквами.
 Но долго, долго перезвон*

*Стоял подводных колоколен.
И по сейчас по вечерам
И по утрам, когда, как храм,
Стихает лес, закат не волен*

*Уйти, или еще горят
На небе утренние звёзды
И спящих птиц безмолвны гнёзда,
Под топами болот звонят (Гронский 1936: 134).*

Для Гронского Революция равнозначна гибели России-Китежа и потери страной её духовных истоков, возможно, что в данном случае поэт подразумевает реальные гонения на церковь и священство, устроенные большевиками в первые десятилетия советской власти. Потерянная Отчизна, ушедшая в топь болот и на дно озёр, звучит из пучин призрачными колоколами. Заметим, что тема памяти, которая в поэме очень важна, в лирике многих поэтов XX века связана именно с водными мотивами (Башляр 1998: 82). Колокольный звон в данном случае можно интерпретировать как звуковое воплощение России, таинственной родины, существующей в душе героя, в пучине его сознания.

Воплощением православной святости в поэме становится князь Михаил Черниговский, сложивший голову в стане хана Батыя за отказ кланяться изваяниям Чингисхана. Самопожертвование во имя собственных духовных идеалов, своей веры и Руси является героическим поступком, в чём Михаил Черниговский уподобляется герою-мученику в поэме Гронского, не уходящего далеко от образа князя, созданного в древнерусской повести «*Страдание святых мучеников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Феодора, от нечестивого Батыя пострадавших*». Твёрдая верность своей вере является духовным идеалом и залогом обретения Царствия Небесного:

*Пряма была твоя дорога:
«Я хану сотворю поклон,
Но веровать в иного Бога,
Который Девой не рождён,
И страху ради чтить кумира...»
Княжью шубу с плеч стряхнул,
Сказал: «примите славу мира»
И меч тяжёлый отстегнул.*

*И кто сей Дух? Крыла подьёмлет,
— Склонитесь долу, ковыли, —
— Услышьте грады, веси, земли —
Не князь Черниговской земли,*

*Сей Дух палящ, как уголь кадила,
Сей смертный Ангела достиг:
Прими — Святого Михаила,
Небесных сил Архистратиг!* (Гронский 1936: 136–137).

Отказ от атрибутов князя и воеводы (снятие княжеской шубы и меча) знаменует изменение не только физическое, но и духовное. Михаил превращается в ангела, обретает царствие небесное, его добровольное согласие на смерть и твёрдое решение в презрении иноверия символизирует его духовную стойкость и внутреннюю силу.

Сама поэма строится на развитии двух параллельных сюжетных линий: о Михаиле Черниговском и Александре Невском. Если в первом случае была одержана победа духовная, то во второй сюжетной линии речь идёт и о физической, так как подробно описана гибель германских рыцарей в Ледовом побоище: «Лик припечатан при Ижоре:/ Был княжеский удар копя!/
Хмур за седым Варяжским морем/
Угрюмый родич короля./ Тиха над Орденом суровым/
Зима, одни леса шумят./ Сон о побоище ледовом/
Монахи помнят и молчат» (Гронский 1936: 137–138). Среди костров Батыя Александр Невский воспаряет, подобно ангелу, обоих князей сам поэт называет серафимами в связи с их духовной силой: «Почтимте же, — челом склонимся долу./ Двух ангелов Российския страны./ Понеже ближе не стоят к престолу/
И серафимов тайные чины» (Гронский 1936: 141). Действие поэмы происходит в переломный период, когда существование русской земли ставилось под вопрос, что является аллегорическим изображением эпохи, которую пережил сам поэт, но именно святость и истинная вера как бы спасают Русь от гибели, что позволяет говорить о надежде автора на возрождение его России, захваченной новыми монголами.

Последняя поэма Гронского «*Повесть о Сергии Радонежском, о медведе его Аркуде и о Битве Куликовской*» (1934), с одной стороны, продолжает художественные тенденции, развитые в поэме об Александре Невском и Михаиле Черниговском, но с другой стороны, ставит совершенно иные акценты. В ней также важна тема православной родины, возникают былин-ные мотивы дремучих лесов и первобытной природы, образы святых князей и древнерусского воинства, боровшихся с монголами, в данном случае это Дмитрий Донской, выступающий против Мамаю на Куликовом поле, а также исторический колорит. Однако акцент смещается на образ не князя-ангела, а святого Сергия. Древняя Русь также мифологизируется как святая и сказочная держава иноков и разбойников. Трансформацию пространственной структуры можно охарактеризовать как постепенное углубление от широкой лесной панорамы к заповедному бору Сергия Радонежского. Заметим, что это такое же отдельное пространство, как Китеж в поэме о князьях. С одной стороны, кроме иноков, распевающих псалмы Давида, сюда никто не

приходит, с другой стороны, это идеализированный мир в котором Сергей Радонежский способен усмирять силы природы, причём христианская тематика гармонично объединена с пантеистической:

*Вот стали на пороге храма.
Молчать. Ковёр к вратам ведёт:
То мха цветного пополама,
И куст шиповника цветет.*

*Пред Богородичной иконой
Завесу ткали пауки
Сто сорок дней. Идут с поклоном
Они в алтарь. И вот, низки*

*Им показались все соборы,
Понеже сложены шатром
Стволы сосновые в просторы
Ушли. Был светел Божий дом.*

<...>

*Познало запад Солнце Бога
В вечерних странах золотых.
Они пошли своей дорогой,
Одни, среди лесов глухих.*

*Ушли и канули в пучине
Морей сосновой купины,
В леса и мхи ненарушимой,
Священнотайной тишины (Гронский 1936: 201–210).*

Заметим, что в обеих поэмах Россия осмысливается как «лесная пустыня», что становится лейтмотивом во всём творчестве Гронского: «Как ангел юного Товии/ Крыла простиерший в оны дни,/ Ты, Одигитрия России,/ Лесные страны осени.// И над пустынями лесными,/ Недвижна взором и челом,/ Склонилась Тишина над ними,/ Как Богоматерь над Христом» (Гронский 1936: 204). Данная строфа взята из вставной «Молитвы Святого Сергия», где он обращается к святому покровителю путешественников Христофору Псоглавцу, а также к Одигитрии-Богоматери. Пустыня знаменует именно пространство сакральное и святое, это лесная пустынь, где возможно абсолютное единение с природой и Богом. Сам монах назван пустынноиком, его образ, связанный с царством животных, проецируется Гронским на святого Герасима со львом, в чём поэт явно уходит от вдохновившего его «Жития Сергия Радонежского», написанного Епифанием Премудрым. В отличие от канонического древнерусского агиографического текста, где сцена с мед-

ведем описана кратко и подчёркивает святость монаха и его способность творить чудеса, у Гронского Сергей становится покровителем природы, в нём сильно не только христианское, но и пантеистическое начало. Эта связь разнородных явлений (оксюморон) очевидна даже в имени прирученного медведя Аркуда. В *«Житии Сергия Радонежского»* слово аркуда упомянуто в прямом значении, поясняется его греческая этимология. У Гронского заглавная буква подразумевает не только то, что медведь становится ещё одним главным героем поэмы, по значимости, не менее важным чем святой Сергей, но и сакральное значение этого животного, являющегося священным тотемом у славян и нордических народов. Таким образом, Гронский обыгрывает значения как русского слова «медведь» как «ведающий мёдом», что в поэме прописано весьма чётко, и сакральное, религиозное значение медведя для русского народа. Если в *«Житии»* медведь также выступает как зверь, просящий у Сергия хлеб, то в поэме Аркуда, наоборот, добывает для чернецов мёд и ягоды (Гронский, 1936: 201). Завершается поэма сценой стояния Дмитрия Донского на Куликовом поле и упоминанием воина Пересвята. Битва с захватчиками, на наш взгляд является логическим продолжением поэмы об Александре Невском, где важна битва духовная. Возможно, что в «древнерусских» поэмах Гронский вводит политическую оптимистичную мысль о будущей битве с реальными современными врагами России, таким образом, образ России аллегорически изображён как мёртвая, захваченная пустыня, а большевики новыми монголами, которым противопоставлено святое русское войско. Обе поэмы можно трактовать как аллегорическое изображение России, находящейся в плену новых варваров, чьё уничтожение является священным долгом для поэта.

Рассмотрим образ России в произведениях, где она угадывается как потерянная земля, которую стремится обрести герой-искатель. Данный сюжет развит в поэме *«Сион и Синай»* (1932). Сюжет обретения Родины дан через поэтическую реконструкцию сюжета о скитании евреев по пустыне под предводительством Моисея и обретении ими земли обетованной. В отличие от древнерусских поэм, в этом произведении нет намёков на политические реалии, но вновь подразумевается оптимистичная вера на возвращение изгнанного народа, в котором угадываются эмигранты, ведомые самим Богом и Его пророком: «И в солнце запада была ему с вершины/ Земля обетованная видна:/ Синь ханаанская, маслины Палестины:/ Зелёная, священная страна» (Гронский 1936: 65). В стихотворении *«Эльдорадо»* (1929) обретение загадочной земли, представленное через сюжет поиска конкистадорами царства из золота и драгоценных камней в сельвах Суринама, Колумбии, Гвианы и Венесуэлы между реками Ориноко и Амазонки, имеет трагический смысл. Эльдорадо-Россия названо и «страной заходяще-

го солнца», и «золотой пустыней», на которую указывают лишь кости погибших испанских солдат:

*Эльдорадо: страна заходящего солнца,
Золотой лихорадки безумья озноб.
Эльдорадо: загар на лице незнакомца,
Сверху до низу шпагой рассеченный лоб.
Конквистадорам ведомо страшное имя.
Кости путь указуют, — там нету дорог,
Без конца и без края золотая пустыня,
— Металлический отблеск, — песок и песок.
Сушь пустыни, — пустое ристалище смерти,
Золотое кладбище испанских солдат.
— Черепа, это — клады, в стволах пистолетов
Порох злато зернистый, — в сто унций заряд (Гронский 1936: 39).*

В представленном отрывке обращает внимание несколько деталей. Прежде всего, частотность слов, обозначающих золото, причём во всех случаях это негативное восприятие драгоценного металла. Заметим, что герой называет Эльдорадо золотой пустыней. Мотив пустыни появляется во всех поэмах и стихах, которые были рассмотрены, по сути, Эльдорадо как и Древняя Русь (лесная заснеженная пустыня), становится местом сакральным и священным, загадочным и запредельным, которое также связано с темами смерти, сражения и оружия. Эльдорадо становится пространством, в котором соединены языческое и религиозное: «О пурпур древности./ Пенатам/ Души моей горит алтарь/ Языческий. Печаль заката — / Моя предсмертная печаль» (Гронский 1936: 39). Такое восприятие Эльдорадо близко восприятию Руси в поэме о Сергии Радонежском, где особое внимание было уделено усмирению святым сил природы и лесных животных, а дремучий лес виделся грандиозным храмом, но в «Эльдорадо» «языческий алтарь» находится не во внешнем мире, а во внутреннем, это душа лирического героя, находящегося на грани времён (закат между днём и ночью) и жизнью и смертью.

Рассмотрим образ России в стихотворении «Муза горных стран» (1934) из цикла «альпийских поэм», посвящённых Альпам и покорителям гор. В этом произведении поэт допускает прямую аллгорию пустынных горных просторов со снежными пространствами России. Само стихотворение начинается с описания одинокого героя-скалолаза, стоящего на скале и рассматривающего горные просторы. Подразумевается вновь ирреальность пространства, эпитет «заоблачный» подчёркивает нахождение в чудесном запредельном мире: «Почили дали в синей мгле,/ Погасли снежные громады;/ Стоял один я на скале/ В стране заоблачной прохлады» (Гронский 1936:

180). Ночные спящие горы ассоциируются с волшебным сном и лунным колдовством, очаровывающим героя, видящего синий крест на вершине горы, а затем отчий дом, к которому его ведёт горная богиня. Кратковременное обретение дома равнозначно духовному возвращению на родину, ибо в последующем фрагменте муза исчезает, но герой обретает на краткое время покинутую Россию: «Савойи хвойные леса/ Дымилися кругом,/ На рододендронах роса/ Блеснула под лучом./ И в этот час/ Всемирной Литургии,/ Когда дымилися альпийские луга,/ Я вспомнил вас, леса моей России,/ Я вспомнил вас — священные снега» [Гронский 1936: 183]. Этой метафизической ирреальной России противопоставлен мотив горной каменной пустыни, который А. С. Янушкевич трактует как выражение духовного одиночества героя в русской литературе (Янушкевич 2007: 146–147). У Гронского снежная пустыня выражает экзистенциальный кризис поэта-эмигранта, потерявшего родную землю и стремящегося к её обретению, что и происходит в стихотворении.

Итак, тема потерянной и обретённой Родины становится центральной в поэзии Н. П. Гронского и реализуется в различных вариациях в его поэмах и стихах. Прежде всего, выделим, что во всех рассмотренных произведениях образ России представлен через аллегории. Во-первых, это Древняя Русь времён монгольского ига, в данном случае выражены политические идеалы самого поэта о большевизме как вражеской силе, которую необходимо победить оружием, сама Россия и герой-воин представлена как святая земля, оберегаемая Богом и Богоматерью. Как и в других произведениях, в древнерусских поэмах повторяются мотивы пустыни, мёртвой земли и её будущего возрождения. В другом варианте образ России возникает или как земля обетованная, к которой стремятся изгнанники, оберегаемые Богом, или как Эльдорадо. Но если в первом случае она достигается, то во втором уже нет и намёка на её реальное бытие и достижение, однако она существует в душе героя как внутренняя родина. Не менее загадочен образ России в «альпийских» стихах Гронского, где герой-альпинист является ещё одним воплощением одинокого эмигранта, стремящегося к преодолению внутреннего одиночества и обретению родного дома, что ему и дарует Богиня горных стран: горные пустыни Альп становятся выражением опустошённой души героя-покорителя, который всё же обретает на краткий миг Родину в волшебный лунный час, когда горы превращаются в грандиозный храм. Таким образом, Н. Гронский создаёт свой миф о России, как мертвой и потерянной земле, которую возможно обрести вновь и воскресить.

Цитированная литература

Авраменко, Альберт П. История литературы русского зарубежья (1920-е–начало 1990-х гг.). Москва: Академический проект, 2019.

- [Avramenko, Albert P. Istoriyâ literatury russkogo zarubežyâ (1920-e–načalo 1990-kh gg.). Moskva: Akademski projekt, 2019]
- Башляр, Гастон. Вода и грёзы. Опыт о воображении материи. Москва: Изд-во Гуманитарной литературы, 1998.
- [Bachelâr, Gaston. Voda i sny. Opyt o voobraženii materii. Moskva: Izd-vo humanitarnoi literatury, 1998]
- Бронская, Людмила. «Образ России в творчестве писателей-эмигрантов.» Наука. Инновации. Технологии 29, 2002: 32–38.
- [Bronskáâ, Lyudmila. «Obraz Rossii v tvorčestve pisateley-emigrantov». Nauka. Innovacij. Technologii 29, 2002: 32–38]
- Вандалковская, Маргарита Г. Русская эмиграция XX века. 20–30-е годы. Москва: Просвещение, 2017.
- [Vandalkovskáâ, Margarita G. Russkáâ emigraciâ XX veka. 20–30-e gody. Moskva: Prosvehenie, 2017]
- Матвеева, Юлия. «Творчество Бориса Поплавского: к вопросу о культурной и языковой идентификации.» Сибирский филологический журнал 3, 2008: 75–80.
- [Matveeva, Yuliâ. «Tvorčestvo Borisa Poplavskogo: k voprosu o kul'turnoi i yazykovoy identifikacii.» Sibirskiy filologičeskij žurnal 3, 2008: 75–80.]
- Матвеева Юлия. Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017.
- [Matveeva Yuliyâ. Russkáâ literatura zarubežîâ: Tri volny emigracij XX veka. Jekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta, 2017]
- Милькович, Никола. «Родина в поэтическом сознании Бориса Поплавского.» Сборник Матице српске за славистику 96, 2019: 115–132.
- [Milkovič, Nikola. «Rodina v poetičeskom soznanii Borisa Poplavskogo». Zbornik Matice srpske za slavistiku 96, 2019: 115–132]
- Солнцева, Наталья. «Скиф и скифство в русской литературе.» Историко-культурное наследие: Ученые записки Орловского государственного университета 4, 2010: 147–159.
- [Solnceva, Natalyâ. «Skif i skitifstvo v ruskoj literature.» Istorijsko-kulturnoe nasledie: Učenje zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta 4, 2010: 147–159]
- Токарев, Дмитрий. «Державин в гостях у Спинозы: мистика и поэтика Севера в “Сценах из жизни Спинозы” Николая Гронского.» Scando-Slavica 65, 2019: 192–211.
- [Tokarev, Dmitriy. «Deržavin v gostâh u Spinozy: mistika i poetika Severa v “Scenah iz žizni Spinozy” Nikolaja Gronskogo.» Scando-Slavica 65, 2019: 192–211]
- Янушкевич, Александр. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В.А. Жуковский – М.Ю. Лермонтов – Ф.И. Тютчев). Жуковский и время. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2007, 133–161.
- [Yanushkevič, Alexander S. «Gornayâ filosofîâ» v prostranstve russkogo romantizma (V.A. Žukovskii – M.Y. Lermontov – F.I. Tyutchev). Žukovskii i vremâ. Tomsk: izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 2007, 133–161]

Источники

Гронский, Николай П. Стихи и поэмы. Париж: Парабола, 1936.
[Gronski, Nikolaj P. Stikhi i poemu. Pariž: Parabola, 1936]

Глеб М. Маматов

СЛИКЕ (СТАРЕ) РУСИЈЕ У СТВАРАЛАШТВУ Н. В. ГРОНСКОГ

Резиме

Рад је посвећен осветљавању слика (Старе) Русије у стваралаштву Н. П. Гронског и реконструкцији концепције домовине у његовој поезији. Аутор покушава да осмисли слику отаџбине као симболичког простора повезаног с различитим културолошким митовима. У поезији Н. Гронског, осим експлицитне слике Старе Русије у песми „Русија” и поемама о староруским кнежевима, присутна је и имплицитна слика у алегоријским делима, где се изгубљена духовна домовина изједначава или са митским Елдорадом, или са обећаном земљом, коју траже Мојсије и прогнани Јевреји. Необична је слика Русије у „алпским стиховима” Н. П. Гронског, где се јавља сиже иницијације-покравања духовне и физичке висине ради награде – налажења изгубљене Русије на кратко време. Установљено је да је тема напуштене домовине и сиже њеног проналажења центар поетике Гронског, централна трагедија целокупне његове лирике, што условљава самобитну ауторску митологију посматраног симболичког простора.

Кључне речи: Н. П. Гронски, емигрантска поезија, слике (Старе) Русије, поема, слика домовине, митопоетика, просторна структура, историзам, симболика, модерна.